

Мой хирург-ортопед. Золотой сустав

ДВИЖЕНИЕ
ВОЗВРАЩАЕТ
ЖИЗНЬ

СОЧИ

БОЛЬШЕ
ДВИЖЕНИЯ

БОЛЬШЕ
ЖИЗНИ

СИЛА
БАЛАНС
ВОССТАНОВЛЕНИЕ
НОВЫЕ ВЕРШИНЫ

Екатерина Свет

Таня Белкова

Таня Белкова

**Мой хирург-ортопед.
Золотой сустав**

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой хирург-ортопед. Золотой сустав / Т. Белкова — «Автор»,
«Автор», 2026

На контрольном прокате олимпийская надежда России падает на лед, а чиновники требуют заглушить боль и вернуть ее в строй. Я, Валерия Родионова, встаю у них на пути. Рядом со мной — Максим Беркут, хирург-ортопед с золотыми руками и характером, перед которым отступает охрана. У нас сто дней, чтобы спасти карьеру фигуристки, и слишком много врагов, готовых уничтожить нас обоих. Ночные дежурства, горное шале и один плед на двоих стирают границу между работой и желанием. Он не отдаст меня на растерзание даже ценой собственной карьеры. Но смогу ли я доверить ему сердце, когда любую нашу слабость обратят против нас?

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Екатерина Свет

Мой хирург-ортопед. Золотой сустав

Мой хирург-ортопед. Золотой сустав

Екатерина Свет и Таня Белкова

Глава

1

Холод малой тренировочной арены «Айсберга» въедался под пальто, но сенсорный экран планшета в моих пальцах казался раскаленным.

На зеркальном льду кружила Алина Мельникова. Восемнадцать лет, тонкая, как натянутая виолончельная струна, в васильковом платье с серебряной россыпью. Гремел финал Первого концерта Чайковского, взмывала мелкая ледяная пыль, а я не отрывала взгляда от бегущей зеленой кривой оптического трекера Qualisys. Шесть инфракрасных камер по периметру борта вели ее правое колено в реальном времени.

— Вальгус уходит на шесть целых две десятых градуса! — крикнула я в лицо тренеру Вороновой, перешагивая через кабели телеметрии. — Тамара Васильевна, снимите ее с проката! Она заваливает ось голени внутрь на тринадцать миллиметров. Наружная связка на пределе, передний рог мениска уже зажат! Четверной тулуп добьет сустав!

Тамара Васильевна Воронова даже не повернула головы. Гранитный профиль пятидесятивосьмилетнего наставника оставался неподвижен, а пальцы в толстых кожаных перчатках до побеления костяшек сжимали поручень борта.

— Не каркай под руку, Родионова, — глухо, сквозь зубы бросила она. — У нас контрольный прокат олимпийского сезона. На правительственной трибуне сидит комиссия Минспорта. Алина пойдет на квад-тулуп. Она выкатывала этот прыжок тысячу раз.

— Это биомеханика, а не характер! — не сдавалась я, чувствуя, как колотится кровь в висках. — Связка — не резина, у коллагеновых волокон наступила усталость материала! У нее микронадрыв еще со вчерашней тренировки, суставная щель сужена!

Из-за спины Вороновой шагнул Анатолий Решетников — куратор координационного комитета сборных команд, влиятельный аппаратчик в строгом темном кашемировом пальто. Его взгляд был колючим и расчетливым, а голос звучал с непререкаемой чиновничьей сухостью.

— Замолчите, Родионова, — негромко, но с жестким нажимом произнес Решетников, сокращая дистанцию. — Вы здесь — исследователь по контракту, научное обеспечение. Ваша задача — сидеть в биомеханическом боксе и оформлять отчеты по гранту, а не вмешиваться в тренерские решения перед высокими гостями. Если фигуристка сейчас сорвет контрольный прокат перед телекамерами, ваш исследовательский протокол закроют к утру. Вместе со всей лабораторией.

Рядом суетливо переминался на тонких подошвах модельных туфель Илья Штерн, главный врач сборной, прижимая к боку кожаный саквояж:

— Валерия Дмитриевна паникует на ровном месте, Анатолий Борисович. Обычный предстартовый спазм связок. Я в раздевалке наложил кинезиотейп и дал две таблетки кеторолака. Докатает без проблем.

— Вы замаскировали боль и выключили проприоцепцию! — крикнула я в лицо Штерну. — Она не почувствует момента срыва!

На арене музыка взмыла к оглушительному фортиссимо.

Алина пошла на длинную скоростную дугу. Черное лезвие правого конька разрежало белый лед. Толчок — и она взвилась в воздух, закручиваясь в бешеное, плотное вращение в

четыре оборота. Мой планшет истошно взвизгнул, сменив цвет графика с тревожного на мертво-алый.

Приземление. И в ту же микросекунду лезвие конька угодило в глубокий рваный скол у короткого борта, оставленный утренней тренировкой парников.

Раздался звук, от которого у меня перевернулось все внутри. Сухой, влажный, костяной треск переломанного сука, пробивший рев оркестра. Колено Алины неестественно вывернулось наружу под диким углом в тридцать градусов, и чемпионка рухнула на лед.

Музыка оборвалась. На секунду повисла мертвая, оглушительная тишина. А затем ее взорвал крик — тонкий, сорванный девичий хрип:

— Нога-а-а!.. Мамочка, нога-а!..

Воронова пошатнулась, схватившись за сердце. Решетников застыл с открытым ртом.

Я мгновенно перемахнула через метровый пластиковый борт арены, оставив планшет на пластиковом кресле трибуны, и в жестких зимних ботинках соскочила на шершавый лед. Не обращая внимания на скольжение, бросилась к бьющейся на полотне девочке. Ледяное крошево обожгло колени через брюки, но боли я не чувствовала.

Сустав наливался багровым бугром прямо на глазах. Надколенник сместился латерально, контуры большеберцовой кости вздулись. Ротационный вывих с клином мениска и полным разрывом передней крестообразной связки. Кровь из поврежденной средней коленной артерии уже распирала полость изнутри — острый гемартроз.

Сзади загремели подошвы. Штерн и Решетников бежали по льду, скользя и матерясь. Главврач сборной уже на ходу выдергивал из саквояжа десятикубовый шприц с толстой зеленой иглой:

— В сторону, Родионова! Блокаду вколю! Дипроспан с лидокаином, тугой бинт, заморозка хлорэтилом! Поднимем, докатает дорожку для прессы!

Он занес иглу над распухшим, пульсирующим коленом.

— Ты сустав ей расплавишь, мясник! — закричала я, бросившись наперерез. Мои пальцы впились в тонкое запястье Штерна, с силой выкручивая шприц в сторону. — Там гемартроз и блок суставной щели! Микрористаллический кортикостероид вызовет некроз хряща за двое суток! Ты превратишь восемнадцатилетнюю девчонку в инвалида с протезом! Руки прочь!

— Пусти, сумасшедшая! — взвизгнул Штерн, пытаясь вырваться.

Решетников подскочил сзади. Лицо чиновника побагровело, вены на шее вздулись толстыми жгутами. Он занес над моей головой тяжелую кожаную папку с металлическими уголками:

— А ну пошла вон отсюда, тварь! Охрана! Скрутить ее!

Я инстинктивно втянула голову в плечи, закрывая своим телом колено Алины. Но удара не последовало.

В морозном воздухе раздался глухой, короткий звук перехваченного удара — словно летящий снаряд встретил гранитную скалу.

Из полутьмы тоннеля выросла исполинская фигура в расстегнутом белом халате поверх черной шерстяной водолазки. Его тяжелая рука с широким запястьем гребца на лету сомкнулась на кисти Решетникова. Пальцы незнакомца сжались.

Решетников охнул, побледнел, ноги его подогнулись, а тяжелая папка с грохотом шлепнулась на лед.

— Еще одно движение в сторону женщины или девочки, Анатолий, — произнес низкий, вибрирующий бас, от которого мороз продрал до самых костей, — и я вырву твое плечо из суставной сумки прямо на этом льду. Без анестезии. Штерн отстранен. Сустав беру я.

Максим Беркут.

Ведущий хирург-ортопед сборной, мастер спорта по академической гребле, потомок флотских хирургов. Человек-скала, о чьих золотых руках и беспощадном характере в спортив-

ной травматологии слагали легенды. Его стальные глаза впились в Решетникова с такой ледяной яростью, что чиновник попятился, прижимая к животу онемевшую кисть.

Максим отшвырнул его назад, словно тряпичную куклу, и опустился на колени на лед рядом со мной. От него пахло морозным ветром, крепким кофе и антисептиком. Его горячая, огромная ладонь бережно коснулась подколенной ямки Алины. Прикосновение было мягче лебяжьего пуха.

— Тихо, птица, — негромко сказал он плачущей девочке. — Дыши носом. Беркут держит. Никому ломать тебя не дадим.

Он поднял взгляд на меня. В его стальных зрачках вспыхнул острый, оценивающий огонь:

— Что там, Лера?

— Разрыв ПКС. Латеральный мениск — блок ручкой лейки. Гемартроз не меньше восьмидесяти миллилитров. Если не сделать декомпрессию и малоинвазивную артроскопию в ближайшие три часа — хрящу конец.

— Твой «Био-Матрикс» готов к введению?

— В криобанке центра, на минус восьмидесяти.

— Значит, спасаем свой сустав, — отрезал Максим. Он легко, словно пушинку, поднял фигуристку на руки, фиксируя ногу широким предплечьем, и зашагал к выходу. — Лера, в реанимобиль! У нас пошел обратный отсчет.

* * *

Желтый «Спринтер» медицины катастроф дрожал на пандусе у служебного выхода. Максим бережно уложил Алину на вакуумный матрас носилок. Я влетела следом. Монитор Mindray пискнул, выводя синусовый ритм: пульс сто сорок, давление девяносто на шестьдесят — начался тяжелый травматический коллапс.

— По газам! В Красную Поляну, на отметку девятьсот шестьдесят, режим «молния»! — рывкнул Беркут водителю.

Но на выезде из олимпийского сектора со скрежетом опустился тяжелый шлагбаум. Четверо рослых охранников в черной форме ЧОП «Щит-Юг» перекрыли проезд, держа у обочины свернутую шиповую ленту. Начальник смены махал рацией:

— Стоять! Машину к досмотру! Приказ Решетникова!

Водитель ударил по тормозам:

— Максим Сергеевич, они сейчас разложат шипы...

Беркут распахнул боковую дверь реанимобиля, высунулся в хлещущую ледяную морось и рывкнул так, что эхо заметалось между железобетонными эстакадами:

— Спецборт экстренной хирургии! На борту умирает член сборной! Тарань шлагбаум, Семен! Не уйдут с дороги — сядут за оставление в опасности! Гони!

Водитель стиснул зубы и вжал педаль в пол.

Двухтонный фургон взревел дизелем, сорвался с места и с оглушительным треском разнес пластиковую стрелу шлагбаума. Охранники в панике попрыгали на газон, сирена взвыла на пределе, и машина понеслась вверх по трассе А-149, врезаясь в темноту кавказских ущелий.

В салоне Алину била крупная дрожь. Я вскрыла блистер с ампулой селективного пептидного кардиотоника — собственной формулы, не вызывающей спазма периферических сосудов. Набрала раствор в шприц и плавно ввела в венозный катетер. Показатели на мониторе выравнивались.

Максим сидел напротив, удерживая шину на ноге девочки. Внезапно его вторая рука легла поверх моих пальцев. Его ладонь была мозолистой от гребных весел и горячее, как печь. По моим жилам пробежала острая волна спасительного тепла, смывая липкий страх последних минут.

— Молодец, — глухо произнес он, глядя мне прямо в зрачки. — Другая бы отступила перед Решетниковым. Ты встала насмерть.

— Я защищала сустав, — ответила я, чувствуя, как щеки заливают краска. — И девочку.

— Запомни этот день, Лера, — его пальцы на секунду сжали мою кисть с тихой властной силой. — Если мы сегодня соберем ее — у нас будет ровно сто суток до Олимпиады.

— Сто дней после разрыва ПКС? — я невольно покачала головой. — Золотой стандарт реабилитации — девять месяцев!

— Плевать на старые стандарты, — отрезал Беркут. — Мы создадим свой. Вместе.

Глава

2

Высота 960 метров встретила нас колючей горной метелью. Белоснежный корпус ФНКЦ СТР нависал над обрывом хребта Айбга, сияя стеклом и титаном. Мы вкатили каталку в центральный холл, но у лифтов путь преградил главврач Седов с бледным, испуганным лицом:

— Беркут, стой! Приказ замминистра спорта — запретить любые операции Мельниковой до прибытия московской комиссии! Нас отдадут под суд!

Максим даже не сбавил шага:

— Пациентка с острым гемартрозом и компрессией нервно-сосудистого пучка. Закон об охране здоровья, статья двадцать: экстренное хирургическое вмешательство по жизненным показаниям проводится по решению оперирующего хирурга. Прочь с дороги, Седов.

Здоровенный чоповец из охраны базы шагнул вперед, преграждая путь к грузовому лифту:

— Сказано же — стоять...

Беркут сработал молниеносно: короткий захват за локоть, толчок широким плечом — и стокилограммовый охранник с глухим стуком впечатался в мраморную колонну, сползая по ней на пол. Двое других чоповцев мгновенно попятились.

Мы влетели на шестой этаж. Но у дверей санпропускника оперблока электронное табло вспыхнуло алым: «БЛОКИРОВКА ДОСТУПА. СИСТЕМА БЕЗОПАСНОСТИ». Решетников удаленно заблокировал шлюз через центральный сервер комплекса.

— Гермодвери заперты, автоматика отключена... — в панике прошептал дежурный травматолог.

В этот миг скрипнула тяжелая боковая дверь вентиляционной шахты, и в коридор неторопливо вышел старший операционный медбрат Петр Савельев — Дед Петрович, ветеран военно-полевой хирургии, невозмутимо пожевывая ус. В его жилистой руке блеснул старый трехгранный латунный ключ:

— Раскудахтались, как бабы на ярмарке. Решетников думает, если сервер купил, так и гору купил? Шахту сорок пятого года никакой компьютер не возьмет.

Он вставил ключ в неприметную скважину за пожарным щитом и дважды провернул его до звонкого щелчка. Гермошлюз с шипением стравил давление и плавно отъехал в сторону.

— Закатывай, Максимушка. А ты, дочка, за свой гель не бойся — Олька твоя с резервным криостатом уже поднялась, на руках дотащила.

* * *

На мониторе томографа Siemens Vida с индукцией поля 3.0 Тесла анатомическая катастрофа предстала в полном объеме: полный отрыв передней крестообразной связки от бедренного мыщелка, продольный вывих латерального мениска по типу ручки лейки.

Дежурный ортопед поморщился:

— Тут без вариантов. Резекция мениска. Отрезать оторванную треть, культю зашлифовать шейвером, связку посадить на донорский аллогraft.

— Отрезать треть мениска в восемнадцать лет?! — шагнула я вперед, сжав кулаки. — Это приговор суставу! Пиковая перегрузка на хрящ при четверном прыжке подскочит до шести мегапаскалей, начнется артроз третьей стадии! Мениск нужно сохранить!

— Белая зона мениска не имеет кровеносных сосудов, коллега, — с усмешкой парировал ортопед. — Это закон анатомии. Он не срастется.

— Срастется, если ввести полимерный нанокомпозит с факторами роста!

Я подошла к столику, достала флакон с «Био-Матриksom», согретый до температуры тела — плюс тридцать семь градусов. Налила в чашку Петри физраствор и пустила струю из промывной помпы под давлением двести миллиметров ртутного столба. Жидкость бешено бурлила.

Опустив канюлю в поток, я выдавила каплю гидрогеля и включила ультрафиолетовый активатор с длиной волны 365 нанометров.

Синяя вспышка прорезала полумрак.

Прямо в бурлящей воде прозрачная капля за три секунды полимеризовалась в упругую, плотную капсулу, намертво схватившую стеклянное дно. Струя била по ней, но гидрогель даже не шелохнулся.

— Время сшивки — четыре секунды. Модуль упругости в точности равен живому мениску, — мой голос звенел в тишине. — Внутри инкапсулированы факторы роста. Он не только удержит шов, он заставит хондроциты мигрировать в белую зону и восстановить хрящ за шесть недель вместо девяти месяцев.

В боксе повисла тишина. Беркут за моей спиной довольно усмехнулся:

— Вопросы есть? Вопросов нет. Моемся. Лера, встаешь первым ассистентом.

* * *

Операционная № 1 была погружена в полумрак. Светились лишь огромные 4К-экраны стойки Karl Storz Image1 S. Алина спала под наркозом, ее правая нога была жестко зафиксирована в ортопедическом держателе под углом девяносто градусов.

У хирургических умывальников струи теплого хлоргексидина хлестали по предплечьям. Беркут намыливал свои могучие руки с буграми мышц и старыми гребными шрамами. Он повернулся ко мне, темные пряди выбились из-под шапочки, глаза блестели:

— Страшно?

— С тобой — нет, — твердо ответила я.

Он взял стерильное полотенце и сам бережно осушил мои ладони. Его пальцы на секунду задержались на моих запястьях, где бешено стучал пульс. От его дыхания пахло мятой и кофе, оно обожгло мне щеку.

— Мы спасем ее, Лера, — прошептал он.

Мы вошли в операционный бокс. Скальпель № 11 сделал трехмиллиметровый прокол, и артроскоп вошел в суставную полость. На экране открылся багровый хаос: клочья разорванного синовия, сгустки фибрина.

— Шейвер, три тысячи оборотов, — скомандовал Максим.

Его рука вела инструмент с ювелирным изяществом. Микронож шейвера срезал фибрин, не задев ни единого микрона перламутрового гиалинового хряща. Полость сустава очистилась. Открылся оторванный канат связки и вывихнутый мениск, зажатый в межмышечковой ямке.

— Щуп, — попросил Беркут. — Лера, ротация стопы наружу на пятнадцать градусов. Медленно.

Я плавно повернула щиколотку Алины. Максим нажал щупом — раздался мягкий щелчок, и вывихнутый фрагмент мениска сам соскользнул обратно в свое анатомическое ложе.

— Сел! — выдохнул ассистент.

И в этот миг из жирового тела Гоффа хлынула кровь. Пульсирующая алая струя ударила в объектив, монитор Karl Storz мгновенно ослеп.

— Артериола! — крикнул ассистент, хватаясь за электрокоагулятор. — Жги!

— Стой! — я перехватила его руку. — Там ростковая зона! Коагулятор сожжет надкостницу и убьет нервные окончания связи!

— Полость зальет за двадцать секунд!

— Максим, дай промывной порт!

Я подсоединила к каналу артроскопа шприц с ледяным раствором рекомбинантного тромбина и норадреналина — собственной формулы для бескровного гемостаза. Пять миллилитров ледяного коктейля ушли в сустав. Багровый вихрь замер. Через семь секунд спазмированный сосуд запечатало плотной фибриновой пленкой. Струя физраствора вымыла поле, вернув безупречную видимость и сохранив ростковую зону надкостницы совершенно нетронутой.

Беркут взглянул на меня поверх защитных очков. В его зрачках полыхнул такой дикий, восхищенный огонь, что у меня перехватило дыхание.

— Ты гений, Лера...

— Работай, хирург. Девочка на столе.

Следующие полтора часа превратились в танец титана и кости. Максим ювелирно сформировал бедренный туннель, завел аутотрансплантат из сухожилия тонкой мышцы и зафиксировал титановой пуговицей Endobutton. Динамометр показал идеальные сто десять Ньютонов натяжения.

— Мениск на месте, связка натянута, — глухо сказал он. — Теперь «Био-Матрикс».

Я ввела длинную микроканюлю прямо в зону разрыва мениска. Но турбулентный поток жидкости из помпы грозил размыть незастывший гель.

— Помпа сносит! — крикнул ассистент.

И тогда Максим шагнул вперед, встав сбоку у операционного стола вплотную ко мне.

Соблюдая строгую стерильность поля, он накрыл мои пальцы своими сильными руками поверх тонкого латекса хирургических перчаток, с ювелирной точностью стабилизируя направление канюли, а левой рукой жестко и плавно перекрыл клапан ирригатора.

Я чувствовала плотное, надежное тепло его рук сквозь перчатки. Над белыми защитными масками наши взгляды встретились — в его серых глазах горела абсолютная, несокрушимая концентрация мастера. Мы действовали в едином ритме, как два слаженных механизма единого разума.

— Восемь секунд, Лера... Свет! — выдохнул он.

Дед Петрович щелкнул тумблером УФ-волока.

Синий луч пронзил сустав. На мониторе гель вскипел тысячами микросшивков, превращаясь в кристально-прочную упругую муфту, намертво спаявшую края мениска и устье костного канала.

— Схватился, — прошептала я, дрожа от адреналинового отката.

Максим разжал пальцы, но его ладонь на долю секунды обожгла мою руку через перчатку.

— Открывай помпу.

Струя ударила по суставу — застывший гидрогель даже не шелохнулся. Беркут взял голень Алины и выполнил жесткий стресс-тест Лахмана. Смещение — ноль миллиметров. Идеальный пружинящий костный стоп.

— Сто процентов стабильности, — произнес он в звенящей тишине. — Время операции — три часа сорок минут. Шейте кожу.

Глава

3

В шлюзе пахло озоном и спиртом. Я сорвала маску, и влажные волосы рассыпались по плечам. Ноги дрожали от чудовищной усталости, но внутри пела ликующая струна. Алину уже перевели в реанимацию — дышит сама, показатели ровные.

Дверь шлюза тихо открылась. Вошел Максим — в черной водолазке, с мокрыми после душа волосами. В руках он держал две дымящиеся керамические кружки:

— Двойной эспрессо. Петрович сварил на родниковой воде.

Наши пальцы встретились на шершавой глине. Электрический ток прошел меня до самых пяток. Я заглянула в его серые глаза — лед растаял, оставив темное, голодное мужское тепло.

— Спасибо, — я сделала обжигающий глоток.

Максим встал рядом у панорамного окна. Его плечо касалось моего.

За стеклом еще царили предрассветные сумерки — стрелки часов показывали половину четвертого утра. Лишь на востоке, за зубчатыми хребтами Аибги, холодная тьма едва начинала уступать место глубокой синеве, а в ущелье под скалами клубился густой ночной туман.

— Ты спасла ее, Лера, — глухо сказал он. — Не просто связку. Ее жизнь. Без тебя Штерн превратил бы ее в калеку.

— Мы спасли, — я посмотрела на его сильный профиль. — Твои руки... Это было потрясающе, Максим.

Он медленно повернулся ко мне. Расстояние между нашими лицами сократилось до нескольких сантиметров. Его большой палец — жесткий, горячий — невесомо коснулся моей скулы, стирая каплю пота. Мое сердце пропустило удар.

— Мы сломали их правила, — негромко произнес он, и в его голосе звенела сосредоточенная мужская решимость. — Утром сюда прибудет комиссия Решетникова из Москвы. Они захотят нашей крови. Захотят отобрать Алину, лишит нас лицензий и уничтожить твои протоколы.

Я шагнула ближе, коснувшись грудью его водолазки:

— Видеозапись операции зашифрована на сервере. Алина переведена в блок интенсивной терапии. Сустав держит. Мы не отдадим им ни единого миллиметра.

Максим скупно, ослепительно улыбнулся:

— Значит, держим оборону.

Из коридора донесся мерный, ровный писк кардиомонитора и тихий сонный выдох пациентки, погруженной в послеоперационный покой. Впереди нас ждало утро тяжелой борьбы.

* * *

Пятый час утра. В палате интенсивной терапии сочинского центра пахло медицинским спиртом, остывающим хромом аппаратуры и тонким горьковатым следом выдыхаемого наркозного газа. Ночь за окном медленно уступала место сизым предрассветным сумеркам, и зубчатые очертания хребта Аибга смутно проступали сквозь клочья тумана на фоне темного неба.

Мерный, убаюкивающий писк монитора Mindray отсчитывал сердечный ритм: пульс пятьдесят восемь, сатурация девяносто девять процентов. Я сидела на круглом врачебном табурете у изголовья кровати, не снимая синего хирургического костюма, и держала два пальца на лучевой артерии Алины, чутко прислушиваясь к пульсовой волне. Дед Петрович в углу палаты неторопливо протирал марлей хромированную стойку инфузомата, поглядывая на меня из-под косматых седых бровей:

— Попей чайку с чабрецом, дочка. Вон термос на тумбе стоит, пар идет. Четыре часа на ногах у операционного стола отстояла, у самой губы синие от усталости.

— Спасибо, Петрович. Чуть позже. Сейчас пойдет активная реперфузия, нельзя упустить отек.

Алина беспокойно шевельнулась. Ее веки дрогнули, длинные светлые ресницы затрепетали. Дыхание девочки сбилось, стало частым, прерывистым, судорожным.

Она открыла глаза. Зрачки были мутными, расширенными от остаточного действия пропофола. Взгляд испуганно метнулся по белому пластику потолка, наткнулся на стойки капельниц, и в ту же секунду девичье тело выгнулось судорогой. Алина инстинктивно попыталась дернуть правой ногой. Нога была жестко заключена в шарнирный ортез DonJoy под углом ровно пятнадцать градусов.

— Нога... — сорвался с ее сухих потрескавшихся губ хриплый, сдавленный шепот. — Где... где моя нога?!

Она опустила взгляд на простыню, увидела неподвижный металлический каркас шины и в панике забилась на матрасе. Кардиомонитор взвыл тревожным зуммером — пульс мгновенно подскочил до ста сорока ударов в минуту:

— Я не чувствую пальцев! Она немая! Вы... вы отрезали ее?! Доктор, скажите правду, вы ее отрезали?!

В палату широким пружинистым шагом вошел Максим. В темно-синем медицинском поло, со следами бессонной ночи на мужественном лице, он мгновенно оценил обстановку. Шагнул к кровати и опустил свои тяжелые ладони на плечи Алины, мягко, но несокрушимо прижимая девочку к подушке:

— Тихо, Алина. Дыши носом. Беркут рядом. Твоя нога на месте, слышишь? Никто ничего не отрезал.

Дежурный анестезиолог уже торопливо тянулся к лотку с ампулой:

— Тахикардия зашкаливает, шоковый вегетативный рефлекс! Сейчас введу два кубика реланиума...

— Отставить реланиум! — крикнула я, решительно отстраняя его руку со шприцем. — Зальем транквилизатором — смажем неврологию! Мы потеряем контроль проводимости стопы!

Я быстро отстегнула широкие велкро-ремни ортеза. Пальцы скользнули под край эластичного бинта у головки малоберцовой кости. Вот она, причина! Тугой тур повязки лег прямо на анатомическое ложе общего малоберцового нерва. На фоне нарастающего послеоперационного отека тканей возник острый компрессионный блок.

— Ножницы, Петрович! Быстро!

Старик ловко вложил мне в ладонь тупоконечные хирургические ножницы. Одним выверенным движением я поддела и рассекла наружный тур бинта. Плотная хлопковая ткань лопнула с глухим треском. Своими пальцами я тут же начала мягкий, восходящий лимфодренажный пассаж по подколенной ямке, сгоняя венозный застой.

Кожа под моими руками начала теплеть буквально на глазах. Синюшный оттенок сменился естественным розовым цветом.

Я взяла холодную стопу Алины в свои теплые ладони, бережно надавила на подушечку большого пальца:

— Алина, посмотри мне прямо в глаза. Чувствуешь мои пальцы?

Девочка судорожно втянула носом воздух, ее зрачки сфокусировались на моем лице:

— Тепло... как будто иголки колют...

— Сожми мой палец. Попробуй сама. Сожми!

Алина зажмурилась, слезы брызнули из ее глаз, и ее большой палец слабо, но отчетливо и упруго согнулся вокруг моей фаланги.

Сигнал монитора смягчился. Пульс плавно пополз вниз: сто десять... девяносто... семьдесят шесть.

— Жива... — прошептала Алина, и слезы покатались по ее щекам. — Доктор Лера... спасибо вам...

Максим шумно перевел дух. Его широкая ладонь на мгновение опустилась мне на плечо, и через ткань халата я почувствовала благодарное, обжигающее тепло его пальцев.

И в этот миг дверь палаты с грохотом распахнулась.

На пороге стояла тренер Тамара Васильевна Воронова. В мокром от дождя расстегнутом пальто, седые волосы выбились из строгого узла, а в глазах полыхала бешеная, отчаянная ярость:

— Что вы сделали с моим ребенком?!

* * *

— Тамара Васильевна, здесь реанимационный бокс, — ровным, ледяным голосом произнес Максим, заслоняя собой кровать Алины. — Наденьте бахилы и говорите тише.

Воронова шагнула вперед, швырнув на пост медсестры кожаную папку:

— Не учи меня, Беркут! Я звонила в Москву. Решетников поднял на ноги министерство. Ты полез в колено олимпийской надежды страны с этой... лаборанткой! Поставил в сустав незарегистрированный титан и какую-то лабораторную слизь! Я забираю Алину. Спецборт медицины катастроф вылетит через два часа!

— В ЦИТО ей предлагали удалить две трети мениска и наложить глухой гипс на полгода, — резко ответила я, выходя из-за спины Максима. — Они превратили бы ее в спортивного инвалида. Мы восстановили анатомическую целостность капсулы.

— Замолчите, Родионова! — крикнула Воронова, ее губы побелели. — Вы потешили свое научное самолюбие! Если из-за вашего эксперимента сустав рассыплется на первом же прыжке — я вас обоих под суд отдам!

— Хватит истерик, — отрезал Максим.

Я молча пододвинула к кровати портативный ультразвуковой комплекс экспертного класса GE Voluson E10. Щелкнул тумблер питания.

— Тамара Васильевна, подойдите сюда, — сказала я спокойно и властно. — Садитесь перед монитором. Прежде чем кричать о суде, посмотрите на живую ткань.

Воронова замерла, смирив меня тяжелым взглядом, но опустилась на предложенный стул.

Я нанесла прозрачный теплый гель на область переднего мыщелка Алины и прижала высокочастотный датчик. Экран сканера ожил, выводя изображение с микроскопическим разрешением.

— Смотрите, — я указала пальцем на монитор. — Вот бедренный костный туннель. Вот титановая пуговица Endobutton. Она держит аутооттрансплантат с силой в сто десять Ньютонов. Никакого люфта.

Я переключила аппарат в режим цветового доплеровского картирования и Microvascular Imaging.

Экран вспыхнул россыпью сапфировых и рубиновых пульсирующих точек. Прямо сквозь динамик аппарата раздался глубокий, упругий свист артериального тока: «ух-х... ух-х... ух-х...»

— Это ветви подколенной артерии, — мой голос звучал твердо и размеренно. — Кровоток вокруг трансплантата восстановлен на сто процентов. Индекс резистентности — ноль целых шестьдесят две сотых, абсолютная норма для живого сустава. А вот это белое облако вокруг шва мениска — гидрогель «Био-Матрикс». Он держит микроразрывы и питает хрящ. Ни гемартроза, ни выпота.

Воронова смотрела на экран не мигая. Сама в прошлом фигуристка, прошедшая через десятки спортивных травм, она слишком хорошо знала, как выглядит разрушенный сустав. Ее лицо медленно утратило багровую ярость, плечи опустились.

— В Москве... в ЦИТО так не показывают, — глухо уронила она, не отрывая глаз от пульсирующего сосудистого дерева.

— Потому что в Москве работают по стандартам двадцатилетней давности, — жестко сказал Беркут. — А мы работаем на результат. Воронова, решайте: вы с нами или остаетесь строчить доносы Решетникову?

Тренер медленно поднялась. Взглянула на спящую Алину, затем — на нас с Максимом:

— Если через три недели она не встанет на лед — я лично закопаю ваши карьеры. Но пока... я отзову запрос на спецборт.

Максим повернулся к Деду Петровичу:

— Петрович, грузи мобильный комплекс в реанимобиль. Через сорок минут уходим на горную базу «Эдельвейс». Решетников с комиссией прибудет к полудню — в клинике они должны застать только пустые койки.

Глава

4

База «Эдельвейс» пряталась на высоте 1380 метров в глухом пихтовом распадке над Красной Поляной.

Двухэтажное шале из просмоленного лиственничного бруса встретило нас густым духом смолы, сухих дров и благословенной тишиной. Сюда не долетал шум приморского кластера. Только глухой гул ветра в кронах вековых пихт да далекий рокот горной реки Мзымты на дне ущелья.

Алину устроили в светлой спальне на втором этаже. Дед Петрович установил пульсоксиметр, напоил девочку отваром шиповника с чабрецом и сам прикорнул в кресле на веранде.

Было почти полночь. Я спустилась по деревянной лестнице на кухню, сжимая в руках блокнот с расчетами угловых скоростей. Голова раскалывалась от усталости, но уснуть я не могла — мозг по инерции продолжал прокручивать векторы натяжения связки.

На кухне горела лишь слабая конфорка старой чугунной плиты.

У огня стоял Максим. Без медицинского халата, в домашнем свитере грубой вязки из небеленой овечьей шерсти, он казался еще шире в плечах. В его руке тускло отсвечивала чеканная медная джезва. Над темной пенкой поднимался густой, дурманящий пар с ароматом кардамона.

— Не спится? — не оборачиваясь, тихо спросил он своим низким басом.

— Мышцы Алины не выходят из гипертонуса, — я подошла к широкому столу. — Считаю дозировку электролитов.

Максим снял турку с огня, разлил кофе в две тяжелые керамические кружки и одну подвинул мне:

— Пей. Без сахара. И оставь расчеты хотя бы на час. Ты спасла ее колено дважды за сутки. Твои руки дрожали, когда ты держала датчик перед Вороновой.

Я взяла кружку. Горячая глина приятно обожгла пальцы. Сделала глоток — горький, смолистый вкус вернул ощущение собственного тела.

Мой взгляд упал на верхнюю полку над буфетом. Среди глиняных банок стоял массивный серебряный кубок на дубовой подставке. Рядом темнела фотография: двое широкоплечих парней в распашной двойке на воде, лица залиты потом и триумфом.

Я подошла ближе, прочитала гравировку на полированном серебре:

— «Oxford-Cambridge Boat Race, 2011. За волю к победе»... Ты выигрывал знаменитую регату?

Максим замер с кружкой в руке. Его лицо в полутьме кухни показалось застывшей каменной маской:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.